

Б. В. Сорвилов

sorvirov@yandex.ru

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Беларусь

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ГРЯДУЩЕЕ ПРОШЛОЕ ИЛИ НАСТОЯЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Автор рассуждает о будущем человеческой цивилизации и роли экономической науки в нем. В полемике с представителями различных школ экономической мысли анализируется инвариантность развития человечества и делается вывод, что потенциальная энергия знаний, накапливаемая научно-техническим прогрессом должна перейти в кинетическую энергию действия, которая выведет человечество в новую реальность.

Полвека назад спасение человечества один из классиков либерализма Фридрих фон Хайек находил в достижении «максимальных темпов роста», которые могут привести к новым успехам. Однако на практике оказалось, что цели достижения максимальных темпов роста противоречат интересам устойчивого развития. Милтен Фридман модернизировал идеи австрийской школы и попытался достичь устойчивости за счет использования монетарных методов регулирования экономики Хайека. Однако и эта идея также потерпела крах с кризисом 2008 года. В результате в последние десятилетия в экономической научной мысли наметились тенденции возвращения к идеям Дж. Кейнса, но и они, как свидетельствует практика, не способны решить существующей проблемы.

Ведущие экономисты планеты, нобелевские лауреаты, финансовые гуру, великие эксперты, либертарианцы, монетаристы, кейнсианцы, социалисты и коммунисты, все, абсолютно все находятся в полной растерянности: не знают и даже не представляют по сути, что делать дальше. Это подтверждают и последние саммиты G-7 в Бельгии, Германии,

Канаде, прошедшие конференции в Германии, Австрии, вернее, заседание Бильдербергского клуба – теневого правительства современного мира. И что удивительно – нет никаких даже потенциальных идей, экономическая наука пребывает в какой-то прострации.

Отражая эту данность, француз Жан-Клод Трише перед своим уходом с поста главы Европейского ЦБ заявил, что традиционные способы воздействия на экономику исчерпаны, а ответ на вопросы о выходе из кризиса надо искать в других отраслях знания.

Сегодня многие эксперты считают, что экономической науке надо расширять собственные горизонты. Совершенно не случайным поэтому стал процесс начала критики экономических авторитетов.

На свалку истории летят сами основы современной экономики в виде «Экономикса», по которым и в настоящее время обучается большинство студентов мира, в том числе и наши студенты-экономисты. Этот Экономикс, по мнению Нобелевского лауреата по экономике и одного из главных либералов американской политической дискуссии Пола Кругмана имеет мало общего с настоящим бизнесом, а степень, с которой Экономикс изолирован от реальности, экстраординарна. Ему вторит другой Нобелевский лауреат Рональд Коуз и называет происходящее «темным веком макроэкономики».

Вся передовая экономическая мысль на протяжении всей второй половины XX века билась над построением эконометрических моделей и достигла в этом несомненного совершенства. Однако все эти модели были направлены на достижение только одной цели – поиску путей максимизации темпов роста и прибыли и при этом – любой ценой. А для этого не нужен системный анализ, нужны только навыки решения конкретных бизнес-задач. Именно этому и учат на американском примере все западные элитные учебные заведения от Гарварда и Принстона до Кембриджа и Оксфорда. Эту данность указывает ряд видных ученых, которые находят причину утраты конкурентоспособности американским бизнесом в его ориентации на краткосрочные цели и цены акций, обоснованные этими школами.

Любой, кто хотя бы сомневался в существующей системе, сразу же попадал в разряд отверженных. Они изгонялись из аудиторий, их переставали печатать в профессиональных изданиях, им трудно было получить работу. Прагматизм, по словам Пола Кругмана, сменился квазирелигиозной уверенностью, которая лишь усиливалась по мере того, как факты опровергали «истинную веру». Таким образом, выкристаллизовывалась та «научная» школа, та бизнес- и политическая элита, которая находится сегодня у руля мировой экономики и политики. Как следствие, экономикс стал привычным инструментом, при помощи которого государство управляет экономикой.

Но и альтернатив ему не видно. «Чего не понимает современный человек ни на интеллектуальном, ни на интуитивном уровнях так это того, что прагматизм как альтернатива столь же сомнителен, и что длительное нежелание анализировать ситуацию глобально и систематически может представлять серьезную угрозу жизнеспособному общественному устройству».

Но самое опасное состоит, с моей точки зрения, в том, что в мире практически не осталось институтов, способных к этому системному анализу. И даже у мирового лидера! В этой связи заслуживают внимание слова известного многим Джеффри Сакса: «Печальная истина состоит в том, что в Вашингтоне ныне нет серьезных институтов, занимающихся системным планированием будущего».

Но ведь если люди неспособны системно думать о будущем, им не решить ни одну из современных проблем. И это действительно настоящая беда для всего человечества. Ведь несмотря на то, что сегодня не наблюдается недостатка в организациях, исследующих и планирующих будущее, как на уровне передовых стран, так и международного сообщества, в мире практически не существует институтов, предлагающих какие-либо системные идеи дальнейшего развития.

Печальные прогнозы, скажете вы! Но нет, не все еще потеряно – оптимистично откликаются экономисты-неоклассики и отвечают на вызов целой серией революционных предложений.

Самый главный их вывод – на экономической науке рано ставить крест. Напротив, мы находимся на пороге революции, это будет оцифрованная реальность вместо абстрактных моделей. Новая экономическая наука будет точной, невероятно масштабной и обладающей даром безошибочных предсказаний. Раньше мир описывался в экономических моделях, смоделированных для целых групп. Теперь отдельные модели можно рассчитать для миллионов людей. Да, действительно звучит оптимистично!

Но ведь эта «революция» не решает основных проблем современного общества: роста неравенства, «убывания доходности капитала», вытеснения человека и т.п. Она позволяет лишь эффективнее воздействовать на «рациональные ожидания» и максимализировать «побудительные мотивы», иначе – индивидуализировать, доводить до логического конца те принципы неоклассической экономической теории, которые были сформулированы еще в середине XIX века.

Всё это понятно! Но Новая революция возможна при условии существенного снижения издержек, что достижимо только за счет перехода на новый уровень технического прогресса, где, по мнению большинства экспертов, «нанять работа выгоднее, чем нанять человека».

Вместе с тем переход на новый виток технического прогресса ведет к пропорциональному воспроизводству и проблем, связанных с ним, а именно к критическому снижению нормы прибыли вследствие сокращения применения рабочей силы, к новому росту безработицы, социального неравенства и т.п. В существующей экономической модели подобная промышленная революция не решает проблему, а, напротив, до предела радикализует ее.

Если говорить об эволюции, или, правильнее сказать, вызревании идеи Финансовой революции, то она появилась ещё в 2004 году в книге «Новый финансовый порядок». Американский экономист Рон Шиллер предлагал расширить хеджирование рисков на доходы от средств к существованию (образование, работа, жильё, социальное положение, обеспечения), и на этой базе сделать новый глобальный рынок для торговли рисками. Ведь рынки могут распределять их бесконечно и безопасно. Однако крах рынка недвижимости в 2008–2009 году подверг сомнению последнее утверждение, а проект финансовой революции на Западе умер сам собой.

Продолжающийся и углубляющийся глобальный мировой кризис все настойчивее подводит нас к необходимости поиска решения проблем развития человечества. Суть этого решения, по мнению большинства известных западных экономистов – возврат к основам экономической науки. На этот феномен обратили внимание в своих трудах Д. Хэкер, П. Пирсон, П. Кругман, Д. Стиглиц и другие известные миру учёные. Но самая поразительная особенность этого понимания состоит в том, что основной упор делается на политику. Экономисты традиционно настаивали на главенстве экономических факторов... И только в последние годы произошел разворот в сторону политики, объясняющий конкретные экономические проблемы мировой экономики. Такая переориентация возвращает экономику обратно к ее истокам, и она вновь превращается в науку под названием *политическая экономия*.

Призывая к возвращению к политэкономии, Пол Кругман отмечал: «мы не пользуемся имеющимися у нас знаниями, потому что слишком большое количество важных людей – политиков, общественных деятелей, а также широкие массы пишущей и говорящей братии, определяющие традиционный образ мыслей и общепринятую точку зрения – по самым разным причинам предпочитают забыть уроки истории и выводы экономического анализа нескольких поколений. И на смену этим потом и кровью полученным знаниям приходят удобные с идеологической и политической точки зрения предрассудки».

Бывший главный экономист МВФ Саймон Джонсон в своей книге, посвященной кризису 2008 года и поиску его причин, также делает разворот в сторону политэкономии. И это возвращение не случайно, поскольку именно политэкономия предлагает системный анализ существующих проблем.

С еще большей убедительностью доказывает необходимость обращения к политэкономии руководитель аналитического центра Stratfor Дж. Фридман: «поскольку политика и экономика неразделимы, математика никогда не сможет стать столь мощной прорицательницей, как может показаться... Экономисты с финансистами сосредоточились на цифрах вместо анализа политических последствий этих цифр...».

Фридман призывает вернуться к политэкономии Адама Смита и Давида Рикардо, от которой в 80-х годах XVIII века отказались «сторонники школы маржинализма, которые попытались математизировать экономику и освободить ее от политики, сделав отдельной дисциплиной в обществоведении».

«Мир не является непредсказуемым», – отмечал Фридман. И это действительно так, но проблема в том, что за последнее столетие политэкономия стала, по сути, запрещенной наукой. На смену политэкономии пришла теория «рациональных ожиданий», задача которой свелась к поиску вариантов максимализации позитивных «побудительных мотивов». Она, безусловно, сыграла свою прогрессивную роль в развитии общества, однако сознательное пренебрежение и даже отрицание политэкономии привело к тому, что человечество оказалось не готово к происходящим изменениям.

К началу XXI века человечество зашло в тупик развития, о приближении к которому свидетельствует набирающий силу глобальный кризис, грозящий стать последним для современной цивилизации. Если существующие тенденции сохранятся, то человечество ожидает обязательный спад, который, начавшись незаметно, быстро перейдет в фазу обвального падения. Катастрофические изменения могут произойти за время жизни всего одного поколения. Человечество может опуститься до уровня средневековья и пойти по пути дальнейшего медленного затухания. Подобные предчувствия охватывают сегодня ведущих экономистов планеты, например, тот же Кругман утверждает: «Мы находимся на грани огромной неизбежной катастрофы», по словам Сакса: «Грозящая нам опасность беспрецедентна, и человеческие знания, ценности и общественные институты не адекватны этой опасности... Пока человечество отвечает на эту угрозу крайне невнятно, абсурдно и настолько близоруко, что возникает впечатление, будто человечество стремится к смерти».

Уважаемые коллеги! Просто поразительно, что в этой ситуации человечество, находящееся на пороге гибели, ведет себя абсолютно беспечно! В связи Нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц отмечает: «Возможно, мир неумолимо движется к одному из тех трагических моментов, что заставят будущих историков спросить: почему ничего не было сделано вовремя?»

Люди рожают детей и приумножают свои капиталы, строят дома и планы на будущее, человечество, не покладая рук, борется за демократию и устойчивое развитие, оно отчаянно сражается со СПИДом, наркотиками, раком, а теперь и со свинными и птичьими заболеваниями в виде гриппа и коронарного вируса. Однако при этом *человечество практически не борется за свое собственное выживание*. А ведь в случае глобального кризиса будет безвозвратно утеряно все, чем живет человек, и его не спасут ни высокие заборы, ни полиция, ни армия, ни накопленные капиталы. Все существующие скрепляющие общественные и материальные связи будут уничтожены. Включая деньги и права собственности, которые исчезнут вместе с обществом, породившим их. Почему же это общество, спрашиваю я, не борется за свое выживание? Чем можно объяснить этот парадокс?

На этот вопрос попробую ответить так: прежде всего тем, что преобладающие сегодня силы *не заинтересованы в изменениях*, поскольку они получают выгоду от существующего положения вещей. Взять хотя бы Украину! Экономика разрушена, а доходы Порошенко возросли на 7 млрд. долларов США! Эти силы преимущественно ориентированы на текущие краткосрочные цели и готовы ради этого пожертвовать долгосрочными, что бы за этим не стояло.

Но есть и более серьезная причина. О ней, в частности, говорил Джордж Фридман: «Если забыть о коррупции и глупости, то можно выдвинуть мощный аргумент о том, что

реальная проблема – в нехватке творческой фантазии». Ему вторят из Гарварда: «Возможности экономических изменений ограничены не только реалиями политической власти, но и бедностью наших идей». К подобным выводам приходит и помощник Президента России Сергей Глазьев: «Сейчас у жителей многих городов мира сложилось ощущение, что они живут на пороховой бочке, фитиль которой уже подожжен, и никто не способен погасить его».

«Возможно, мы подсознательно отворачиваемся от проблемы, так как пока не видим путей ее решения», – полагает Хайнц Шуманн. Этот суровый фатализм дополняется миром иллюзий, в который человечество погрузилось до такой степени, что уже не замечает окружающей реальности. Оно, очевидно, не проявляет должного интереса к проблемам, угрожающим его существованию, кроме все нарастающего страха перед приближающимся будущим.

Если человечество пойдет тем же путем, его ждут мрачные времена. Конечно, наша современная цивилизация сильно отличается от Древнего Рима. Чего, например, стоят хотя бы гладиаторские бои, в которых только в одном римском Колизее на потеху публике было убито более 200 тысяч человек, по сравнению с нашим просвещенным веком, который даже единичную смертную казнь самых ужасных преступников считает чрезмерной жестокостью. Тем не менее, «мягкая посадка» Европейских империй хоть и гораздо менее драматичная (в культурном плане), чем крах Римской, обошлась человечеству в XX веке в две Мировые войны, унесшие жизни большего количества людей, чем погибло во всех предшествующих войнах человечества вместе взятых. Они же показали, что вуаль цивилизации слишком тонка и может исчезнуть при легком дуновении, вызванным потрясением современного мира.

Так есть ли выход? Можно ли избежать конца? Думаю, что готовых рецептов сегодня нет, это вопрос поиска, пока еще есть время. Направление этому поиску дает предупреждение Альберта Эйнштейна, по словам которого, «никакую проблему невозможно решить на том же уровне, на каком она возникла».

Может быть, этим новым будущим станет «технологическая сингулярность», о которой писал академик Вернадский, когда потенциальная энергия знаний, накапливаемая научно-техническим прогрессом в последние десятилетия, перейдет в кинетическую энергию действия, которая выведет человечество в новую реальность. Вернадский полагал, что переход в новую эру сверхчеловека или постчеловека произойдет еще до середины XXI века, при этом, отмечал он, «несмотря на весь свой технический оптимизм, мне было бы куда комфортнее, если бы меня от этих сверхъестественных событий отделяла тысяча лет, а не двадцать».

По мнению Иноземцева, новая эра может быть «довольно жестокой», она «будет настолько иной, что не сможет вписываться в классические рамки противопоставления добра и зла». Но прогресс не остановить, утверждает В. Иноземцев, конкуренция и борьба за выживание вынудят создать те технологии, которые обеспечат получение преимуществ.

Не случайно в последнее время начали говорить о внешних киберугрозах, создании центров исследований рисков, направленных на изучение потенциальных угроз, которые несут человечеству последние и грядущие достижения науки и техники.

А может быть, нарастание долговой нагрузки развитых стран мира, свидетельствует о наступлении Экономической Сингулярности – конца капиталистической и начала постэкономической эпохи. Ведь стимулирование экономического роста только за счет государственных вливаний, сопровождающихся дефицитом бюджета и наращиванием госдолга, ведет к всё большей зависимости частного бизнеса от государства и, в конечном итоге, к построению какого-то нового типа общественных отношений. И здесь могут появиться альтернативные варианты, способные дать человечеству шанс. Но они не упадут с неба...

Завершить свой доклад хочу словами Майкла Альтшулера, что есть две новости: плохая «Время летит. Хорошая – мы пилоты своего времени».